

Русакова Ольга Фредовна,
профессор, заведующий общим отделом философии
Института философии и права УрО РАН,
г. Екатеринбург

Smart power (умная власть) как концепт политической философии конституционализма

Концепт smart power (умная власть) в последние годы все чаще используется во внешнеполитических стратегиях разных государств. В экспертных и дипломатических кругах данный концепт воспринимается в качестве идейной основы курса страны, направленного на обновление либерально-демократических традиций с целью укрепления ее международного авторитета. Понятие smart power вполне можно считать новым аналитическим концептом современной политической философии конституционализма.

Принцип разумной и рациональной государственной политики, основанной на соблюдении всех демократических конституционных требований, а также требований международного права выступает базовой установкой концепта умной власти. Особенно большое внимание данному концепту уделяется в США, где в 2006 г. была создана комиссия по «умной власти» (Commission on Smart Power). Обращение к концепту умной власти со стороны американских аналитиков в значительной степени было продиктовано критическим отношением граждан страны ко внутреннему и внешнеполитическому курсу президента Дж. Буша. Согласно критикам, политика Буша была построена на неоправданном преувеличении роли жесткой силы (hard power) при решении политических проблем. Это особенно ярко проявилось в ходе военного вмешательства США во внутренние дела Ирака. Данная стратегия в итоге привела к ослаблению привлекательности имиджа США на международной арене. Причину стратегических неудач объясняли неумением стратегически комбинировать жесткие элементы власти с элементами soft power. Способность к такой комбинации

получила название smart power. В плане развития стратегии smart power в 2009 г. в структуре Госдепартамента США был создан Центр предотвращения и разрешения конфликтов.

Концепт smart power сегодня находится в центре внимания не только американских политиков и исследователей, но и аналитиков большой группы стран из Европы и Азии. Это в значительной степени обусловлено тем, что в постиндустриальную эпоху происходит возрастание роли нематериальных активов стран в деле увеличения совокупной мощи. В современных условиях усиление внешнеполитической мощи государства, ее военного и экономического потенциала невозможно без целенаправленного развития научных знаний, инновационных образовательных программ и технологий, креативных культурных и информационных коммуникаций, повышения роли «информационно-интеллектуального управления», «управления рефлексией» в мировой политике. Умная мощь — это и скорость обработки информации и коммуникативная мобильность. Еще одно универсальное значение концепта smart power — креативный потенциал, предполагаемая способность государства генерировать новые идеи, технологии и институты.

В работах ряда зарубежных авторов понятие smart power расшифровывается как способность превращать ресурсы soft power («мягкой силы») и hard power («жесткой силы») в стратегию, ведущую к желаемым результатам в форме предпочитаемого поведения других людей и государств. К стратегическим ресурсам «жесткой силы» обычно относят военную интервенцию, экономические санкции, подкуп, дипломатическое давление. К soft power — ценности, идеалы, культуру, знания, обучающие программы, дипломатическое искусство, оказание гуманитарной и социальной помощи, культурную дипломатию. Соединение силовых механизмов власти с коммуникативными практиками soft power обеспечивает политическим институтам и структурам наибольшую устойчивость, гибкость и подвижность. Данный эффект достигается благодаря тому, что soft power обладает способностью такого ментального воздействия, при котором без оказания видимого насилия,

опираясь на техники соблазна ценностями и благами цивилизации, осуществляется формирование и воспроизводство следующих источников легитимации государственных и межгосударственных организаций: лояльность населения, согласие, признание, идентичность, привлекательность политики, верность договорным обязательствам.

Джозеф Най, ведущий специалист в области проектирования политики *smart power*, в одной из своих работ приводит целый ряд примеров успешной стратегии умной власти, применяемой отдельными государствами в разное время. Один из таких примеров — умная стратегия Сингапура. Сингапур в последние годы сделал довольно значительные вложения в свои военные ресурсы, чем вызвал озабоченность со стороны соседних государств. Однако, чтобы ослабить напряженность в регионе, правительство страны предприняло значительные усилия по превращению своих университетов в настоящие центры неправительственной активности в Юго-Восточной Азии. Примером умной государственной стратегии, по мнению Ная, может также служить внешняя политика Норвегии. Норвегия, чтобы обеспечить собственную безопасность, стала членом НАТО, но в то же время начала развивать внешнеполитическую активность, направленную на оказание дипломатической помощи другим странам. Она часто выступает в роли дипломатического посредника в межгосударственных переговорах, чтобы сбалансировать свою жесткую силу посредством наращивания мягкой силы [1].

Стратегия *smart power*, включающая в качестве своей организационной части курс на развитие «мягкой силы», в настоящее время активно применяется политическим руководством ряда стран Азии, в первую очередь Китая, Индии и Южной Кореи.

В основу китайской стратегии *smart power* были положены, во-первых, древнекитайский философский принцип всеобщей гармонии, во-вторых, умный завет Дэн Сяопина, который гласил, что Китаю нужно продвигаться вперед осторожно. В-третьих, современной идейной базой китайской стратегии умной силы стала доктрина «мирного возвышения Китая» (*China's Peaceful Rise*),

провозглашенная прежним лидером страны Ху Цзиньтао и официально подтвержденная недавно избранным председателем КНР Си Цзиньпином. Современный проект китайской умной власти возник в качестве альтернативы «неумного внешнеполитического курса президента США Джорджа Буша [2]. С позиции стратегии «умной силы» КНР проводит «кампанию очарования» в отношении развивающихся стран, а также стран Восточно-Азиатского региона.

Современная внешняя политика Китая направлена на реализацию двух долгосрочных целей. Первая — создание и сохранение благоприятных условий для развития КНР, вторая — превращение Китая в один из полюсов многополярного мира. Для осуществления первой цели Китаю необходимо избегать прямых вооруженных столкновений, продолжать развивать свою экономическую базу для привлечения внешних инвестиций и технологий, для открытия новых рынков и зон беспопышленной торговли. Параллельно с этим акцент делается на развитие особого дипломатического стиля, основанного на принципе гармонизации интересов и ухода от методов давления. Принцип гармонии — это то, что призвано придать Китаю господствующую моральную высоту в международных коммуникациях. На данном принципе выстраивается единство «мягкой» и «твердой» силы с китайской спецификой как внутри страны, так и за ее рубежами [3].

Согласно китайским политологам, существует неразрывная диалектическая связь между «твердой силой» и «мягкой силой». «Мягкая сила» трактуется ими как мудрость, выраженная в ходе применения «твердой силы». Укрепление «твердой силы» сопряжено с увеличением «мягкой силы». И даже в том случае, когда «твердая сила» несколько укрепляется, совокупная государственная мощь может сократиться в связи с ослаблением «мягкой силы».

С позиции данной теории китайские исследователи объясняют распад Советского Союза и анализируют его уроки. Главный исторический урок состоит в том, что Советский Союз в конце XX в. оказался под мощным влиянием «мягкой силы» Запада и не смог

противостоять ему посредством развития собственной «мягкой силы», делая упор прежде всего на инструменты *hard power*.

Вторая цель реализуется посредством стратегии применения «мудрой» китайской политики в отношении стран, входящих в АТЭС (Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество), в АСЕАН (Ассоциация государств Юго-Восточной Азии) и ШОС (Шанхайская организация сотрудничества). Увеличивая свое влияние в данных организациях, выступая защитников прав целого ряда государств, Китай стремится сформировать своеобразный пояс безопасности из лояльных ему международных субъектов, мирную и процветающую периферию вдоль своих границ. Современный Пекин стремится стать не только образцом экономического роста, но и предлагает альтернативные пути развития международных отношений, включая развитие принципов конституционализма.

В исследованиях российских ресурсов *soft power* и *hard power*, отмечается явный дисбаланс между составляющими *smart power*. Обращается внимание на то, что ресурсная база мягкой силы России значительно уступает ресурсам *soft power* многих государств. Это становится очевидным и для политических лидеров страны. Председатель Правительства Российской Федерации Д. Медведев, выступая на совещании руководителей представительств Россотрудничества за рубежом 3 сентября 2012 г., сославшись на исследование, проведенное в Сколково, заявил, что «Россия находится на 10-м месте по индексу мягкой силы». По индексу жесткой силы Россия занимает одно из первых мест в мире. Такая диспропорция, по мнению премьер-министра, снижает позитивный имидж страны и наносит вред ее международной конкурентноспособности. Среди инструментов *soft power*, которые бы могли исправить диспропорцию, премьер-министр назвал применение механизмов вовлечения иностранных граждан в культурные обмены и развитие образовательных услуг России на международных рынках. Медведев сообщил: «Поставлена цель — к 2020 г. 5 российских университетов должны войти в сотню ведущих мировых» [4].

Как в советской, так и в постсоветской России институты жесткой власти получили большее развитие, чем институты мягкой власти. Рост военных, экономических и административных расходов значительно опережает рост финансирования гуманитарных, культурных и научно-образовательных государственных программ, а также гражданских институтов, выступающих с позиции развития конституционализма. Преодоление данной диспропорции — основная задача умной государственной власти.

Примечания

1. *Най Дж. С. -мл.* Умная сила : эссе // Политическая наука. 2012. № 4. С. 179–182.
2. *Ernest J. Wilson III.* The Annals of the American Academy of Political and Social Science. March. 2008. P. 11–112.
3. *Цзайци Лю.* «Мягкая сила» в стратегии развития Китая // Полис. 2009. № 4. С. 151.
4. *Топорков С., Курляева О.* Премьер-министр обозначил внешнеполитический приоритет России // Российская газета. 03.09.2012.

Корецкая Татьяна Павловна,

*старший преподаватель кафедры теории
и истории государства и права юридического факультета
Челябинского государственного университета,
г. Челябинск*

Общественное обсуждение с использованием сетевых ресурсов как форма реализации народного суверенитета

Как основополагающий принцип конституционализма народный суверенитет конкретизируется в Конституции Российской Федерации через следующие формы народовластия. Во-первых, это представительная демократия, когда народ осуществляет власть посредством выборных полномочных представителей,